

2. Возвышение Китая

Китай принадлежит к тем густонаселенным плодородным равнинам, омываемым великими реками, где необходимость централизованного регулирования воды для орошения и защиты дамбами уже в ранние времена привела к объединению под властью центрального правительства. Так продолжалось на протяжении тысячелетий. При сильном и заботливом правительстве земля давала богатые плоды. Но при слабом правительстве, когда чиновники пренебрегали своими обязанностями, когда губернаторы и князья устраивали гражданские войны, дамбы и каналы приходили в упадок, заиленные реки переполняли поля, голод и разбойники опустошали народ, и «гнев небес» обрушивался на землю. Население состояло в основном из трудолюбивых крестьян, старательно обрабатывающих свои небольшие участки. Из-за примитивной техники и отсутствия скота для пахоты, при тяжелейшем труде в течение долгих дней они могли добыть едва ли больше, чем на голодное существование. Небольшие излишки продукции забирал у них правящий класс землевладельцев, интеллигенции и чиновников — мандаринов. Поскольку обычно у них отбирали даже больше, они часто стояли на грани голода. Равнины были открыты на север, в центрально-азиатские степи, откуда приходили воинственные кочевники, вторгаясь и завоевывая. Завоевав землю, они стали новым правящим классом, сформировали своего рода аристократию, но вскоре были ассимилированы более высокой китайской цивилизацией. Так в средние века пришли монголы; так в XVII веке с северо-востока пришли маньчжуры, которые в XVIII веке распространили свою империю на всю Центральную Азию, но в XIX веке она пришла в упадок.

В многочисленных городах жил многочисленный класс мелких ремесленников и торговцев с пролетарским классом холопов внизу и зажиточным классом купцов над ними. Из морских портов, а также по караванным путям на запад через пустыни и горы экспортировались драгоценные изделия китайского происхождения: чай, шелк и фарфор, даже в Европу. Так появился средний класс, сравнимый с европейским по свободе инициативы в бизнесе. Но и в китайских крестьянах жил тот же дух независимости и самостоятельности, гораздо более сильный, чем в японских, глубоко ограниченных феодализмом. Если гнет чиновников, налогоплательщиков, помещиков или ростовщиков становился слишком тяжелым, вспыхивали восстания, иногда перерастающие в революции, против которых имущий класс искал защиты у иностранных военных держав; так в стране появились маньчжуры.

В XIX веке западный капитализм начинает атаковать и вторгаться в Китай. Строгий запрет на ввоз опиума привел к войне с Великобританией, 1840 год, и к открытию ряда портов для европейской торговли. Это число увеличивается в ходе более поздних войн и договоров; европейские купцы и миссионеры вторгаются в страну и используют и злоупотребляют своим особо охраняемым положением, разжигая ненависть населения. Дешевые европейские товары импортируются и подрывают домашнее ремесло; тяжелые военные контрибуции, наложенные на Китай, усугубляют налоговое бремя. Так вспыхивают революционные движения, такие как восстание тайпинов (1853-1864), имевших

собственного императора в Нанкине, и восстание боксеров в 1899 году; оба были подавлены с помощью европейской военной мощи, которая показала себя варварами, разрушителями старой китайской культуры. Когда война с Японией обнажает китайское бессилие, все западные державы, включая Японию, захватывают ее части в качестве «концессий», разрывая ее на «сферы влияния». Иностраный капитал строит несколько железных дорог и устанавливает фабрики в больших портовых городах; китайский капитал тоже начинает принимать участие. И вот устаревшая маньчжурская династия рушится в 1911 году, и на смену ей приходит китайская республика, провозглашенная в Нанкине, но в действительности это правление губернаторов провинций и генералов, так называемых «военных лордов», часто выскочек, бывших бандитских вождей, которые теперь со своими бандами солдат в непрерывных войнах грабят страну.

Для возникновения китайского капитализма имелись все необходимые элементы: класс состоятельных или даже богатых купцов в городах, в основном агентов иностранного капитала, которые могли развиваться в современную буржуазию; многочисленный класс бедных городских пролетариев и ремесленников с низким уровнем жизни; и огромное население в качестве покупателей. Западный коммерческий капитал, однако, не был движущей силой развития к более высокой производительности; он эксплуатировал примитивные формы отечественной промышленности для получения коммерческой прибыли и обеднял ремесленников своим импортом. Поэтому господствующему положению западного капитала, стремившегося превратить Китай в колонию, необходимо было дать отпор путем организации китайских сил. Эта организационная работа выпала на долю молодых интеллигентов, которые учились в Англии, Франции, Америке или Японии, впитывали западную науку и западные идеи. Одним из первых ораторов был Сунь Ятсен, в прошлом заговорщик, преследуемый маньчжурским правительством, известная фигура в европейских социалистических кругах, затем первый президент Китайской республики. Он разработал программу национального единства, смесь демократии среднего класса и диктатуры правительства, и после своей смерти в 1925 году стал своего рода святым нового Китая. Он основал Гоминьдан, политическую организацию и ведущую партию поднимающейся китайской буржуазии.

Сильный импульс был получен от русской революции. В 1920 году студенты в Париже и рабочие (в основном шахтеры, железнодорожники, наборщики и муниципальные служащие) в Шанхае и Кантоне основали Китайскую коммунистическую партию [далее К.П. – прим. ред.]. Начались крупные забастовки против преимущественно иностранных работодателей, и благодаря своей образцовой солидарности рабочие смогли добиться уступки многих своих требований могущественному капиталу; часто, однако, борьба приводила к кровавым репрессиям со стороны военных баронов. Теперь и буржуазия воспрянула духом; в последующие годы Гоминьдан вступил в союз с коммунистической партией и с Россией. Конечно, китайская буржуазия не исповедовала никакой склонности к коммунистическим идеям, но она чувствовала, что такой союз дает массу преимуществ. Просто позволив им кричать о свободе и коммунизме, она получила в свое распоряжение наиболее активные группы рабочих и восторженных молодых интеллигентов, а также нашла в Москве опытных русских организаторов в качестве «советников», которые руководили ее борьбой и обучали ее кадры. Более того, Россия дала ему именно те лозунги, которые были необходимы для освобождения от тисков всемогущего западного империализма: доктрину мировой

революции против мирового капитала, особенно против его главного выразителя — английской мировой державы. Вскоре движения бойкота и забастовки, проводимые под строгим контролем, подорвали европейский бизнес и торговлю; резкое антииностранное настроение захлестнуло страну; из внутренних районов страны испуганным стадом хлынул поток белых миссионеров, торговцев и агентов, бежавших в морские порты под защиту пушек военных кораблей. Из Кантона в 1926 году на Север отправилась экспедиция, отчасти военный поход, отчасти интенсивная националистическая пропагандистская кампания, «поливавшая своих лошадей в реке Янцзы», преследовавшая военных владык или принуждавшая их присоединиться, и объединившая Центральный и Южный Китай в одно государство со столицей в Нанкине.

Но теперь давно тлеющая и все время подавляемая борьба классов вырвалась наружу. Рабочие крупных городов, особенно промышленные рабочие Шанхая, империи Востока, восприняли коммунизм в его пролетарском смысле, как классовую борьбу рабочих. Их зарплаты едва хватало на утоление прямого голода, их рабочее время составляло 14-16 часов ежедневно; теперь они пытались поднять свои жалкие условия путем забастовок, несмотря на то, что российская пропаганда всегда учила коалиции с буржуазией. К.П. Китая была проинструктирована из Москвы, что китайская революция — это революция среднего класса, что буржуазия должна быть будущим правящим классом, и что рабочие просто должны помочь ей в борьбе с феодализмом и привести ее к власти. К.П. последовала этому уроку и поэтому полностью пренебрегла организацией и вооружением рабочих и крестьян против буржуазии. Она поддерживала Гоминьдан, даже когда эта партия приказала генералам подавить крестьянские восстания; поэтому коммунистические боевики оказались в растерянности, колеблясь между противоречивыми классовыми чувствами и партийными командами. Массовые выступления, вспыхнувшие в Кантоне и Шанхае, были подавлены в крови гоминьдановскими войсками Чан Кайши, финансируемыми для этой цели китайскими и международными банкирами. Начались резкие гонения на коммунизм, тысячи его выразителей и боевиков были уничтожены, русские «советники» отправлены на родину, рабочие организации истреблены, а во главе правительства встали наиболее реакционные слои буржуазии. Это были в основном группы богатых купцов, чьи интересы как агентов иностранного торгового и банковского капитала были связаны с этим капиталом и сохранением старых условий.

Тем временем коммунизм распространился по всей стране. За все эти годы анархии положение крестьян становилось все хуже и хуже. Помещики и сборщики налогов обдирали их до нитки; военные лорды часто требовали налогов на долгие годы вперед, а когда их изгоняли другие, которые снова требовали тех же налогов, их благополучно сбрасывали в иностранный шанхайский банкирский дом. Никто не позаботился о каналах и дамбах; из-за наводнений и последовавших за ними голода и моровой язвы погибли бесчисленные миллионы людей. За несколько кусков хлеба голодные крестьяне продавали свою землю набитым до отказа барыгам и ростовщикам и скитались по стране как нищие или грабители. В таких условиях коммунизм в его русской большевистской форме рабоче-крестьянской республики без капиталистов, помещиков и ростовщиков был воспринят на ура и быстро прогрессировал в самых бедствующих провинциях. В то же время, когда коммунизм был уничтожен в городах, он поднялся в сельской местности в виде мощного крестьянского восстания. Там, где он завоевал власть, он уже начал изгонять помещиков, делить их землю

между крестьянами и устанавливать советскую власть. Часть армий, состоящая в основном из рабочих и крестьян, к которым присоединились их офицеры, в основном интеллигенты, сочувствующие народному движению, восстали против реакционной политики Гомиьндана и образовали ядро Красной Армии.

Начавшаяся гражданская война велась гомиьндановским правительством как кампания против «коммунистических бандитов», которых клеймили за всевозможные зверства — несомненно, восставшие крестьяне часто были далеко не мягки по отношению к своим мучителям — и которых необходимо было уничтожить, прежде чем станет возможным единство нации. Со стороны крестьян это была упорная и героическая защита своей осажденной главной территории в юго-восточных провинциях Цзянси и Хунань. Каждый год, начиная с 1930 года, война на уничтожение возобновляется со все более крупными армиями, и каждый раз она срывается благодаря превосходному мастерству, несгибаемому мужеству и самоотверженному энтузиазму красных войск, которые в осторожной и бесстрашной партизанской борьбе должны были отвоевывать свое оружие у разгромленных вражеских полков. Тем временем Япония использует это взаимное уничтожение китайских военных сил, оккупируя последовательно Маньчжурию и северные провинции.

В чем может быть причина того, что китайская буржуазия так яростно воевала с крестьянами и тем самым растрачивала свои военные и финансовые ресурсы? Если говорить кратко о китайской буржуазии, то следует иметь в виду, что этот класс значительно отличается от буржуазии Европы, так что идеи, инстинктивно ассоциирующиеся с этим классом, не во всем применимы здесь. В Европе поднимающаяся буржуазия, класс промышленных и торговых работодателей и капиталистов, в ходе социальной революции, при поддержке крестьян, должна была сломить политическое господство дворянства, владеющего землей. В Китае этот антагонизм отсутствует; буржуазия сама была классом землевладельцев, и от нее произошли правящие чиновники. Из-за отсутствия быстро развивающейся промышленности богатые городские купцы и предприниматели вкладывали свои деньги в землю, и рента была таким же важным источником их дохода, как и прибыль; наоборот, землевладельцы уезжали в город, чтобы открыть свое дело. В них сочетались характеры двух противоположных европейских классов. Таким образом, борьба крестьян нашла свое наиболее подходящее выражение в коммунистическом лозунге борьбы против капитализма. В характере помещичьего подчинения и эксплуатации крестьянства был жизненный интерес китайской буржуазии; ее самые глубокие чувства были затронуты земельной экспроприацией красных советов. Поэтому консервативные элементы этого класса, которые сначала не доверяли Гомиьндану как замаскированной красной организации, как можно скорее изгнали коммунистов и превратили его в инструмент реакционной политики среднего класса. Они почувствовали недостаток сил у китайского правительства, чтобы навести порядок в хаосе: поэтому они обратились за поддержкой к самой сильной антикоммунистической державе — Японии. Япония, стремясь к господству над ресурсами, минеральными богатствами и рабочей силой Китая, выступила в качестве защитника интересов землевладельцев против восставших масс. В каждом следующем договоре она навязывала китайскому правительству обязанность уничтожить коммунизм.

Против этого консерватизма существовала, однако, противоположная тенденция, особенно среди мелкой буржуазии и интеллигенции. Они предвидели и представляли будущее; оно

выражало не то, чем буржуазия была до сих пор, а то, чем она будет и должна быть. Ее представители понимали, что зажиточный класс крестьян с покупательной способностью является главным и необходимым условием для мощного развития капиталистической промышленности в Китае. Их сознание среднего класса инстинктивно понимало, что все эти землевладельцы и ростовщики представляют собой осколок феодализма, преграждающий путь к будущему развитию Китая; и что свободное землевладельческое крестьянство принадлежит к миру среднего класса и составит его прочную основу. Таким образом, рядом с консервативной тенденцией и в противоположность ей среди поднимающейся китайской буржуазии существовало сильное демократическое течение мысли. Оно было сильно националистическим; японская агрессия, захват драгоценных провинций на Севере и надменная жестокость японского милитаризма наполняли его негодованием. Оно желало закончить гражданскую войну уступками крестьянам, чтобы объединить все силы в общем сопротивлении японскому империализму.

Пять лет продолжалась кампания по уничтожению в Цзянси и, в меньших масштабах, в других провинциях, но без успеха. Коммунистические войска прочно укоренились в крестьянском населении, среди которого они вели широкую просветительскую пропаганду и из которого к ним постоянно прибывали новые силы. Когда, наконец, их положение против осаждающих превосходящих сил, умело руководимых немецкими военными советниками, стало несостоятельным, они прорвали железное кольцо и вторглись в юго-западные провинции. Затем в 1934 году Красная Армия начала свой знаменитый долгий марш через высочайшие, почти непроходимые горные перевалы, через самые бурные и опасные реки, через бесконечные болотистые степи, через экстремальные жару и холод, всегда окруженная и атакованная лучше оснащенными превосходящими силами белых, пока после тяжелых лишений, героической борьбы и тяжелых потерь она не прибыла, год спустя, в северо-западные провинции, где в Шэнси было организовано новое советское правительство.

Но теперь, в это время, тактика и цели изменились. Не против капитализма и помещиков была направлена борьба коммунистов в первую очередь, а против Японии и японского империализма. Ещё до начала своего долгого марша К.П. Китая публично предложила Гомиьдану прекратить гражданскую войну для совместной борьбы с японской агрессией, в этом случае она прекратит экспроприации и будет уважать существующие права собственности в обмен на социальные реформы и демократические права народа. Но это предложение не было рассмотрено.

Это изменение тактики было подвергнуто резкой критике в других странах как оппортунистический отказ от коммунистических принципов. Такая критика, однако, основана на ложном предположении, что К.П. была партией промышленных рабочих, эксплуатируемых крупным капитализмом. Китайская К.П., а тем более Красная Армия, состоит из восставших крестьян. Не название, наклеенное снаружи на ярлык, а классовый характер определяет реальное содержание мыслей и действий. Руководители партии прекрасно видели, что японская военная мощь — самая опасная угроза для китайских крестьян, что коалиция китайской буржуазии с Японией сделает их освобождение невозможным. Поэтому необходимо было разделить их и направить весь военный и экономический потенциал Китая против Японии. Для красных лидеров идеалом будущего

был демократический Китай среднего класса со свободными крестьянами в качестве собственников или, по крайней мере, зажиточных земледельцев. Под коммунистическими идеями и лозунгами они были глашатаями и поборниками капиталистического развития Китая.

Из этих тенденций с обеих сторон возникла новая политика в драматической форме захвата в декабре 1936 года в Сиани генералиссимуса Чан Кайши собственными маньчжурскими войсками правительства, которые хотели воевать с японцами, а не с красными. Националистический лидер, невольно общаясь с коммунистическими лидерами, мог убедиться, что они такие же националисты и представители среднего класса, как и он сам, и готовы отдать себя под его командование в войне с Японией. Когда же гражданская война прекратилась и наиболее реакционные лидеры были выведены из правительства, Япония сразу же осознала последствия и начала войну с сильной атакой на Шанхай. Китай с его неразвитой инфраструктурой покоя на первый взгляд не мог сравниться с огромной, тщательно подготовленной военной техникой Японии. Но у него уже были обученные армии, он был полон сильного националистического духа, и он получал военные материалы из Англии и Америки. Конечно, армии пришлось уступить, правительству отступить в Чунцин в юго-западной провинции Сычуань, а японские войска заняли восточные города. Но за их спиной вставали все новые и новые армии партизан и истощали их силы. Пока в 1941 году, после почти двухлетней войны в Европе, не разразился долгожданный конфликт между Америкой и Японией, вызванный ультиматумом Америки о том, что Япония должна покинуть Китай. Таким образом, китайская война стала частью мировой войны.

Эта мировая война означает подъем Китая как новой капиталистической мировой державы. Не сразу в качестве независимой державы наравне со своими союзниками, Россией с одной стороны и Америкой с другой, хотя по численности населения он превосходит их обоих. Ее экономическая и политическая зависимость от Америки, которой она сильно задолжала из-за военных поставок, будет означать новое будущее; американский капитал будет играть ведущую роль в развитии ее промышленности. На передний план выдвигаются две великие задачи: строительство железных и автомобильных дорог в сочетании с производством двигателей и автомобилей для модернизации примитивного дорогостоящего транспорта и внедрение механической силы в сельское хозяйство для освобождения человека от бремени и повышения эффективности его труда. Для выполнения этих задач необходима крупная металлургическая промышленность. Китай обладает всеми ресурсами, необходимыми для капиталистического развития. У него есть уголь, железо и другие полезные ископаемые, которых недостаточно для того, чтобы сделать его промышленной страной для экспорта, как Англия или Германия, но достаточно для собственных нужд. У нее плотное население, обладающее всеми качествами, необходимыми для капитализма: сильным индивидуализмом, кропотливым усердием, способностями, духом предпринимательства и низким уровнем потребностей. Кроме того, у нее плодородная почва, способная производить изобилие продуктов, но требующая обеспечения безопасности путем широкого научного ухода и регулирования воды, путем строительства дамб, выемки и нормализации рек.

Идеалы и цели, за которые борются трудящиеся массы Китая, конечно же, не будут реализованы. Помещики, эксплуатация и нищета не исчезнут; исчезнут лишь старые

застойные, примитивные формы нищеты, ростовщичества и угнетения. Производительность труда повысится; новые формы прямой эксплуатации промышленным капиталом заменят старые. Проблемы, стоящие перед китайским капитализмом, потребуют централизованного регулирования со стороны сильного правительства. Это означает формы диктатуры в центральном правительстве, возможно, дополненные демократическими формами автономии в небольших единицах района и деревни. Внедрение механической силы в сельское хозяйство требует объединения мелких участков в крупные производственные единицы; путем ли постепенной экспроприации мелких крестьян, или путем создания кооперативов или колхозов по российскому образцу, будет зависеть от относительной силы противоборствующих классов. Это развитие не может не привести к глубоким изменениям в экономических, а тем самым и в социальных отношениях, духовной жизни и старой структуре семьи. Однако масштабы происходящего там, страны, населения, его нищеты, его традиций, его старой культурной жизни настолько колоссальны, что изменение условий, даже если взяться за него с максимальной энергией, займет многие десятки лет.

Интенсивность такого развития экономических условий будет возбуждать энергию и стимулировать активность классов. В соответствии с капитализмом одновременно возникнет борьба против капитализма. С ростом промышленности возникнет борьба промышленных рабочих. Учитывая сильный дух организации и великую солидарность, которую так часто демонстрируют китайские пролетарии и ремесленники, можно ожидать даже более быстрого, чем в Европе, подъема мощного движения рабочего класса. Конечно, промышленные рабочие останутся меньшинством по сравнению с массой аграрного населения, в равной степени подвергающегося капиталистической эксплуатации, хотя и в другой форме. Механизация сельского хозяйства, однако, сплетет между ними прочные узы, проявляющиеся в общности интересов и борьбы. Поэтому характер борьбы за свободу и господство может принять в Китае во многих отношениях иной аспект, чем в Западной Европе и Америке.

Версия #1

Артём создал 30 декабря 2025 08:50:36

Артём обновил 30 декабря 2025 08:51:27